

К Р О К О Д И Л

ГО Д ИЗ Д А Н И Я Х V I I

УСЕРДНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗАВКОМА

Рис. Л. Бродаты

— Я, товарищ директор, всех лодырей на нашем заводе знаю в лицо. Ведь я среди них, как ни как, третий год веду раз'яснительную работу.

В Татарском районе, Новосибирской области, за полтора года ушло с работы 11 участковых зоотехников; в Саратовской области — 192 зоотехника. Причина — к ним относятся, как к пасынкам.

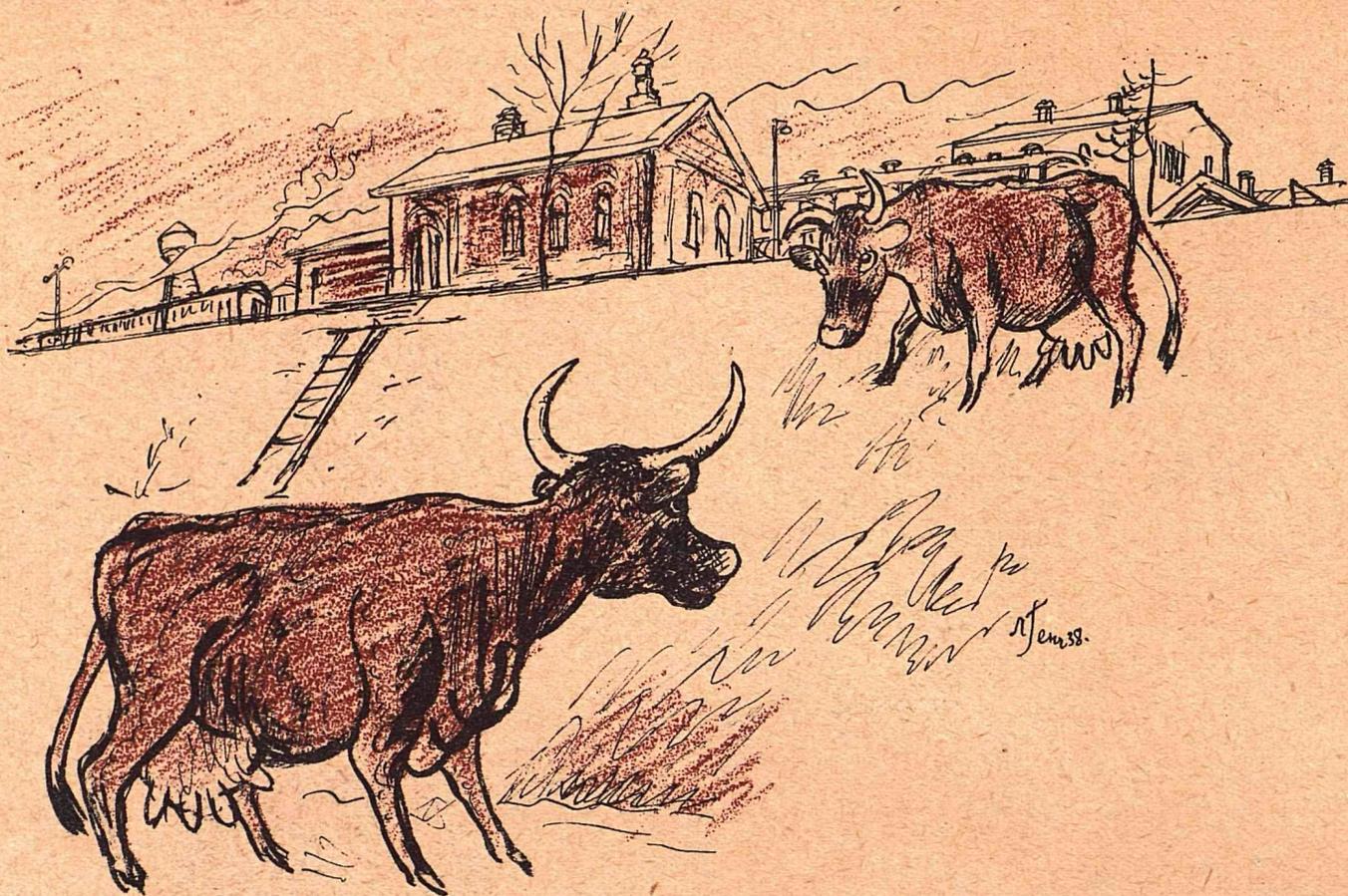

Рис. Л. Генча

ПРОВОЖАЛА — ЖАЛКО СТАЛО...

— Ты опять торчишь на вокзале?
— Что ж поделаешь, когда то и дело приходится провожать и встречать зоотехников.

Торговая запятая

Я ЗАПОМНИЛ его лицо на долгие годы. Весь этот человек кажется мне таким милым и очаровательным.

Я незнаком с ним. Даже не знаю его фамилии.

Пленил он меня своим разговором.

Не думайте, что у него бархатный баритон. Что он, этот человек, как-то по-особому разговаривает.

Дело не в этом. А в том, что он вообще разговаривает.

Видите ли, люди его профессии суровы, молчаливы, немые. А этот спокойно смотрит на вас, отвечает на вопросы и даже сам вступает в разговор.

Это меня сначала удивило. А минут через десять я весь был в его власти и голос его бодрой симфонией звучал в моих ушах.

Мне ненужен был дамский зонтик, но я его купил. И детские перчатки, и подтяжки, и галстук, и гребенку — все это я сразу приобрел.

Я иначе не мог поступить, потому что этот человек разговаривал. Более того, он обращался со мной, как равный с равным. Люди его профессии обычно смотрят на вас свысока, недружелюбно. А он вел себя совсем по-иному...

Вот почему я не в силах забыть этого человека. И когда я пишу эти взволнованные строки, я мысленно жму его руку и благодарю, благодарю...

Дело было так. Недавно я случайно зашел в универмаг на Серпуховке, в Москве. Подошел к киоску с галантереей. И вдруг (меньше всего я этого ожидал!) продавец улыбнулся и начал со мной разговаривать. И с кем разговаривать? Со мной, с покупателем! Он стал показывать мне свой товар, объяснять,

убеждать: «Вам не нравятся эти перчатки? Пожалуйста, я вам покажу другие...»

Скажите, пожалуйста, можно ли после всего этого равнодушно пройти мимо такого человека? Я как покупатель не привык к такому обращению в магазине.

Я привык к тому, чтоб продавец смотрел на меня исподлобья. Я всегда чувствую себя виноватым перед работником прилавка, отрывая его от текущих размышлений и далеких воспоминаний. Робко спрашиваю, а он, конечно, не отвечает. Наконец, он ответил. Но поди разбери, что он сказал: что-то буркнул под нос, глядя в противоположную от вас сторону. А попробуй, дерзкий, сказать, что этот товар тебе не нравится и ты хотел бы посмотреть еще кое-что... Нет, лучше не надо. Не знаю, как вы, но я не смельчак.

Так бывает во многих и многих торговых точках. Люди этих точек плохо воспитываются. Правда, с грубостью кое-как борются. Спасибо, меня защищают от брани и окриков. Но мне, сознаться, этого мало.

Я хочу, чтоб советский гражданин, стоящий по ту сторону прилавка, относился товарищески к советскому гражданину, стоящему по эту сторону прилавка. Я хочу, чтобы продавец был кровно заинтересован в том, чтобы я, покупатель, ушел из магазина не с пустыми руками.

Люди торговых точек плохо воспитываются. Вот в чем запятая!

Ведь некоторые руководящие (казалось бы, руководящие!) торговые организации показывают работникам прилавка дурной пример. На покупателя торговые чиновники смотрят, как на назойливую муху. Они не любят, когда покупатель жалуется, протестует, предъявляет свои права. «Как он смеет!..»

Гражданин А. И. Жабский посмел пожаловаться сочинскому горвнупорту на плохое качество пряжек к поясам. Пряжки быстро ржавеют и пачкают белые рубашки и брюки.

В сочинском горвнупорте могли бы к жалобе Жабского отнестись внимательно, могли бы принять меры к повышению качества пряжек. Но случилось так, что заявление Жабского поступило в горвнупорт как раз тогда, когда ни заведующий горвнупортом Линник, ни старший инспектор Казарян не были в отпуску. И заявление попало к ним.

Дружными усилиями заведующего и старшего инспектора был составлен ответ Жабскому:

«На что жалуется Жабский? На металл, пряжку, которые под действием пота или атмосферной влаги покрываются налетом ржавчины... Бедная пряжка! Ну что ж, сообщим Наркомлегпрому, чтобы пряжки выпускали из нержавеющей стали или белого металла... Гражданину Жабскому же рекомендуем повысить свой культурный уровень и предварительно зайти к нам за консультацией...»

Короче говоря, Жабскому «попало». Два человека, не слишком, видно, обремененные работой, решили поиздеваться над советским гражданином: не смей заикаться о том, что плохая пряжка портит твою одежду. Страшно, когда бюрократ начинает острить!..

Прислушиваться к мнению покупателя? Бюрократ считает это непосильным для себя трудом.

В Москве, на Коровьем валу, есть универмаг. Получает этот универмаг кровати из Одессы от Укрбытместпрома. Плохие кровати.

На совещании работников издательств и библиотечкарей указывалось, что переиздавать „Наталью Тарпову“ Семенова, хотя и в переработанном виде, не нужно, а переиздание „Анны Карениной“ Л. Толстого необходимо. И все же „Наталья Тарпова“ в плане Гослитиздата осталась, „Анны Карениной“ — нет.

КЛАССИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Рис. Бор. Ефимова

НАТАЛЬЯ ТАРПОВА (Анна Карениной):— Может быть, вы, мадам, и интересней меня, но я здесь пользуюсь большим успехом.

Написали работники московского универмага в Одессу. Нельзя ли, дорогие товарищи, подумать о качестве выпускаемых вами кроватей?

Недавно получен ответ. Подписали управляющий одесским отделением Укрбытместпрома Сорокин и заведующий сектором промхозметизов Серпер.

Вот что они написали и вот что подписали: «Вполне присоединяемся к Вашим справедливым требованиям относительно того, что:

1. Кровати должны быть с сетками и тщательной сборки.

2. Полутораспальные кровати должны быть окрашены только в светлые тона, но не зеленого цвета.

3. Кровати детские должны быть окрашены исключительно в цвет «крем» (под слоновую кость).

Мы все же вынуждены предупредить Вас, что кровати могут быть Вам отгружены лишь в том ассортименте, как это указано в нашем наряде, и никаких изменений не может быть». В этом наглом документике сказано коротко и ясно:

«Покупатель жалуется. Правильно жалуется. Но нам наплевать на эти жалобы. Выработаем дерьмо — и «никаких изменений не может быть».

Так ли? Неужели изменений не может быть?

Вот в том-то и запятая, что сочинские Липники и Казаряны, одесские Сорокины и Серперы мешают оздоровить плохие нравы, угнездившиеся во многих наших торговых точках.

Но мы скоро избавимся и от этих людшек и от их порядков. Неправда ли, товарищ продавец из универмага на Серпуховке?

Вы утвердительно киваете головой... Кстати, мы наднях увидимся и поговорим на эту тему, я собираюсь зайти к вам: мне нужны зимние перчатки.

Г. РЫКЛИН

Голубая мечта

Председатель правления Федор Петрович,
Что в кругу сослуживцев весьма знаменит,
Обладатель квартиры и многих сокровищ,
Словно осень туманен, как туча сердит.

Ни ковры, ни сверканье паркетного пола
Не приносят улады горящим очам,
Он недавно со службы привез радиолу,
Но уже не включает ее по ночам.

Он не слышит шуршанья шевроных диванов,
Не приносит вещей, нарушает режим,
Он не ест по утрам, он не плещется в ванной,
Он жену позабыл. Он совсем одержим!

Что тревожит его? Отчего он тоскует?
Почему он то ласков, то грома грозней?
Кто бы мог объяснить перемену такую,
Уберечь сослуживцев, утешить детей?

Кто бы мог рассказать и жене и свекрови,
Почему целый день безысходно грустит
Председатель правления Федор Петрович,
Что в кругу сослуживцев весьма знаменит.
Председатель правления требует сметы,

Он зачем-то опять проверяет счета,
И его посещает в тиши кабинета
Голубая, покрытая лаком мечта.

На пределе стремлений, на самых вершинах,
За неясным покровом ночной темноты,
Он встречает мечту на резиновых шпалах,
Слышит радиопение этой мечты.
Вот он видит себя у сверкающей двери,
Он открыл. Он вошел, но срывается вниз.

Председатель правленья берется за сердце
И бормочет во сне: «Лимузин, лимуЗИС!»
Так четыре недели боролся и ждал он,
Кое-где нажимал, кое-где тормозил,
Не сдавался. И вот, после многих скандалов,
Он себе приобрел голубой лимузин.
Так мечта наполняется плотью и кровью.
Наконец-то в блестящей машине сидит
Председатель правления Федор Петрович.
Что в кругу сослуживцев весьма знаменит.
Как удобны подушки, и фонарики кстати,
Как приятно промчатся у всех на виду!
Но превыше всего оценил председатель
То, что радиорупор поет на ходу.
Это были минуты полнейшего счастья,
Он катался, величьем своим упоен,
Для него тенора разрывались на части,
Для него, надрываясь, стонал микрофон!
В этот миг, оборвав на торжественном месте
Предыдущих мелодий нестройный поток,
Председатель возжаждал последних известий
И слегка повернул небольшой рычажок,
И тогда он не верил ушам от волненья,
Но приемник спокойно вещал на ходу,
Что, стижатель и плут, председатель правленья
По такой-то статье предается суду.

Обладатель квартиры и многих сокровищ,
Что в кругу сослуживцев весьма знаменит,
Председатель правления Федор Петрович,
Почему-то опять безысходно грустит.

ОЛИВЕР СВИСТ

КОНЬКИ

Иллюстрации Л. Генча

(Отрывки из пьесы)

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина первая

(Вестибюль школы. Широкая лестница наверх. Занятия второй смены еще не начинались. На лестнице стоят Рубен и Зина.)

ЗИНА. Рубен, твой Барс—изумительный пес. РУБЕН. А твой еще не подрос. Таймырка пока еще глуп: щенок.

ЗИНА. Он вырастет?

РУБЕН. Это недолгий срок.

ЗИНА. Ты думаешь?

РУБЕН. Что за вопрос?

Месяц пройдет, пройдет другой, Он также будет ходить за ногой И уши поднимутся...

ЗИНА. И тогда...

РУБЕН (перебивая). Сколько ему?

ЗИНА. Пять.

РУБЕН. Опять наскандалил в квартире?

ЗИНА (грустно). Опять.

РУБЕН. С котом неполадил?

ЗИНА. Да!

РУБЕН. Строгость, запомни, прежде всего.

Я забегу, посмотрю на него.

ЗИНА. Сегодня?

РУБЕН. Сегодня... Нет, не могу.

ЗИНА. Завтра?

РУБЕН. Завтра я забегу.

(Расходятся. На площадке лестницы появляются Сима и Клава.)

СИМА (горячо). За пушкинский номер я должна

Почему-то за всех отвечать одна!

Если газету делаю я,

Зачем же нужна редколлегия?

Я редактирую, я рисую,

Я сочиняю. Я протестую!

КЛАВА. Я, Симочка, очень огорчена,

Что ты отвечаешь за всех одна.

Но ты войди в мое положение:

Я выдумать что-то еще могу,

Но все это в письменном изложении.

Я не могу подыскать выражения,

Напоминает (пауза) сырое рагу.

Стихи писать я совсем не умею.

Проза моя равноценна нулю.

Сима, я очень тебя жалею.

СИМА. Клава, я очень тебя люблю.

Но я повторю, что будет скандал.

Мне нужен немедленно материал.

КЛАВА. Готова помочь по любому предмету.

СИМА. Не нужно. Нужно писать в газету.

КЛАВА. О чем писать? Я не знаю, право.

Талантом писателя я не блещу.

Я не поэт и не критик.

СИМА. Клава!

КЛАВА. Я не уме...

СИМА (перебивая на полуслове). Ты не хочешь, Клава. И я тебе этого не прошу!

(Девочки расходятся, но тут появляются Костя и Вася. В руках у Васи сверток. Костя

просит Васю показать ему новые норвежские коньки, которые тот только что купил. Подходят Борис и Абрам. Новые коньки переходят из рук в руки. Вася предлагает Симе после уроков пойти на каток, но та отказывается, ссылаясь на скверную погоду. Вася заявляет, что тогда пойдет на каток один. Клава напоминает Васе о том, что он обещал ей сегодня игру в шахматы. Вася — шахматист, Клава у него учится играть. Она тоже хочет стать шахматистом. Вася обещает ей на каток не ходить. У Кости дома событие: приехал с границы брат-лейтенант. Костя приглашает всех ребят сегодня к 9 часам к себе домой. Брат-пограничник будет рассказывать интересные истории. Сбор назначен у Васи. Очень возбужденный появляется Борис с газетой в руках.)

БОРИС (размахивая газетой). Читали?

СИМА. Что?

ЗИНА. О чем?

БОРИС. Не читали? Так я вам прочту, что бы все слышали!

РУБЕН. Про что?

КОСТЯ. О ком?

БОРИС. И, может быть, каждый с ним лично знаком.

И лично в шахматы с ним играет,

Летом в одних лагерях загорает.

КЛАВА. Борис, не тани.

СИМА. О ком статья?

РУБЕН. Дай, я прочитаю!

БОРИС. Читаю я! (Разворачивает газету, читает.)

«ЧЕСТНЫЙ ПОСТУПОК ВАСИ ПЕТРОВА»

Вчера днем, 17 декабря, к дворнику дома № 8, по Советскому проспекту, явился ученик, назвавшийся Васей Петровым, и сдал конверт, найденный им на бульваре. В конверте оказались 728 рублей и паспорт на имя гражданина С. И. Бирюкова, проживающего в доме № 8, квартира № 7. Находка возвращена владельцу. (Все стоят молча.)

Вот это здравствуйте, будьте здоровы!

КОСТЯ (нарушая молчание). В каждой школе есть Васи Петровы.

РУБЕН. Честный поступок, я с этим согласен.

КЛАВА. Только это не наш Вася.

Мы были с Костей вчера у него.

КОСТЯ. Он не рассказывал нам ничего.

ЗИНА. Если бы Вася деньги нашел,

Разве он так бы в школу пришел?

Всем рассказал бы. Правда, Клава?

БОРИС. По всем городам разнесется слава.

А я вот по тем же бульварам хожу,

Ничего драгоценного не нахожу.

Нашел однажды разбитый пятак,

Думал, что примут. Как бы не так!

А на эти бы деньги...

АБРАМ (насмешливо). Пойти бы в кино, Наестся бы досыта эскимо, Чтоб горло замерзло папанинской льдиной,

Чтоб две пятнадцатки валяться с ангиной И пропускать без особой заботы Контрольные письменные работы.

БОРИС. Третья часть всегда полагается.

СИМА. Вася!

АБРАМ. Действие начинается! (Появляется Вася.)

БОРИС (протягивает Васе газету). Газету читал?

КОСТЯ. Про тебя статья?

КЛАВА. Ты деньги нашел?

(Вася берет газету, читает. Прочитав газету.)

ВАСЯ. Я!

СИМА. Как?

БОРИС. Ты шагашь, шагашь и вдруг...

КОСТЯ. Скрыл, а еще называется — друг.

КЛАВА. Как ты нашел их?

ВАСЯ. Ну как находят: шел и нашел.

БОРИС. И при всем народе?

СИМА. Вася, рассказывай все по порядку.

Я буду записывать. Дайте тетрадку!

АБРАМ. В пушкинский номер?

СИМА. Дадим непременно. (Васе.)

Как это вышло?

ВАСЯ. Обыкновенно:

Шел и нашел, взял и отнес.

БОРИС. Все до копейки?

РУБЕН (Борису). Что за вопрос?

БОРИС (Васе). Теперь ты будешь стоять наравне

С передовыми людьми в стране.

Все пионеры прочтут газету,

Жаль, что портрета в газете нету.

Эх, и везет же другим ребятам...

Разве угонишься!

АБРАМ. Что ты?

БОРИС. Куда там!

(Звонок.)

СИМА. Ребята, звонок!

Математика в классе!

Живей на урок!

(Ребята быстро разбегаются. Вася медлит.)

Замечтался, Вася!

(Сима убегает. Вася поднимается по лестнице. Впереди поднимается Костя.)

ВАСЯ. Костя!

(Костя молчит. Пауза.)

КОСТЯ. Я Костя тринадцать лет.

ВАСЯ. Костя, ты должен мне дать совет.

КОСТЯ. Деньги нашел — не мог сказать,

Коньки купил — не хотел показать.

ВАСЯ. Костя!

КОСТЯ. Я все тебе доверял,

Я ничего от тебя не скрывал.

Считал тебя другом — и вот результат...

ВАСЯ. Мы будем друзьями.

КОСТЯ. Я очень рад.

ВАСЯ. Всю ночь я сегодня почти не спал.

Костя, мне кажется... я... пропал...

КОСТЯ. А что случилось?

ВАСЯ. Ведь мы не в ссоре?

Ты ведь не выдашь меня?

КОСТЯ. Крематорий.

ВАСЯ. Костя, может быть, это и глупо,

Что я так волнуюсь. Но для чего

Они написали про честный поступок,

Не зная про это совсем ничего.

Ведь я же немного себе оставил,

Совсем немного, совсем пустяк.

Конечно, я знаю, я был не вправе,

Но что же делать, случилось так.

Своих накопленных было мало:

28 рублей не хватало.

А я давно о норвегах мечтал,

Я видел во сне их, руками брал,

728 рублей я сдал,

А 28...

КОСТЯ. Украл?
ВАСЯ. Украл!

Я знаю, и знаю, что это нечестно,
Но я не сумел не купить норвег.
Потом я не думал, что будет известно...
КОСТЯ. Что ты показательный человек.
(Убегает. Вася медленно поднимается
по лестнице.)

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

(Квартира Петровых. Вечер. Домработница Настя за столом перетирает чашки. На одном краю стола перед недоигранной партией шахмат склонилась Клава. Входит Вася. Игра в шахматы продолжается.)

КЛАВА. А если сюда?
ВАСЯ. Потеряна пешка.

Будь повнимательней. Что за спешка?
Обдумай свое положение. Взвесь.

КЛАВА (грустно). Твоя королева мешает.
ВАСЯ (поправляет ее). Ферзь.

КЛАВА. А лошадью можно скакнуть сюда?
ВАСЯ. Конем. Ты запомни раз навсегда.

КЛАВА. Девочки наши смеются напрасно
Над тем, что я стать шахматистом хочу.

Я докажу им!
ВАСЯ (собирает шахматы). Докажешь. Ясно.

Ты будешь Ботвинницей.
КЛАВА. Я не шучу.

ВАСЯ. Доиграна нами вторая игра,
А наших все нет.

А давно бы пора.
КЛАВА. Костя, наверное, ждет не дождется.

ВАСЯ. Раз пригласили—без нас не начнется.
КЛАВА. Вася, не знаешь, с какой границы,
С какой заставы брат-лейтенант?

ВАСЯ. С Энской.
КЛАВА. Какие у них петлицы?

ВАСЯ. Зеленое поле, малиновый кант.
(В передней продолжительный звонок. Хлопает закрываемая дверь. В комнату почти вбегает очень взволнованная Зина.)

КЛАВА. Зиночка, милая, что с тобой?
ЗИНА (едва переводя дыхание). Ой! (Садится на первый попавший стул.)

ВАСЯ. Что случилось?
ЗИНА. Сбилась с ног.

У меня пропал щенок.
Я по улицам ходила,
Я в милицию звонила,
Я сидела, я ждала,
Я обедать не могла.

Я же этого щенка
Берегла от сквозняка,
С ним всегда сама гуляла
И кормила по часам,
Никогда не позволяла
Подходить ко взрослым псам.

Мама вывела щенка,
Он сорвался с поводка.
И теперь его украли.

Он ко мне одной привык!
Вдруг Таймырку ободрали
На собачий воротник!
(Вася подает Зине стакан воды.)

КЛАВА. Что же делать?
Как же быть?

ЗИНА (пьет воду). В «Пионерку» позвонить!
Там про Васю, там про честность
Всех поставили в известность,
Там напишут, разберутся
Через несколько минут,
И следы щенка найдутся,
И Таймырку мне вернут.

КЛАВА. Ты постарайся не волноваться,
Ты успокойся. Вот вода. (Зина выпивает
воду.)

ВАСЯ. Таймырка просто пошел прогуляться.
КЛАВА. Ты успокоилась?

ЗИНА. Кажется, да.
(В передней звонок. Входят Рубен, Борис,
Абрам и Сима. Они опоздали и поэтому горя-
пят Васю, Клаву и Зину немедленно идти к
Косте, где их ждут. Настя предлагает ребятам
чаю. Все отказываются, только Борис просит
налить ему стаканчик: пока Вася сходит за
патефоном к соседям, он успеет выпить чаю
с вишневым вареньем. Сима, с какой-то кар-
точкой в руке подошла к Клаве.)

КЛАВА. Ты вазину карточку со стола
Без спросу взяла?

СИМА. Я спросить не могла.
Он сразу бы понял, что карточку эту
Мы помещаем в нашу газету.

КЛАВА. А вдруг она у него одна?

КЛАВА. Ты вазину карточку со стола
Без спросу взяла?

СИМА. Я спросить не могла.
Он сразу бы понял, что карточку эту
Мы помещаем в нашу газету.

КЛАВА. А вдруг она у него одна?

СИМА. Клавочка, милая, ты смешна.

КЛАВА. Но, Сима, пойми в конце концов:
Он с этой, быть может, не хочет рас-
статься.

СИМА. Чепуха. У него осталось лицо,
Он может пойти и еще раз сняться!
(Отходит.)

АБРАМ. (Борису). Который стакан?

БОРИС. (пьет чай с блюдецка). Четвертый.
АБРАМ. Похоже.

Ты дома тоже так много пьешь?

БОРИС. Тоже.

АБРАМ. И тоже так громко?

БОРИС. Тоже.

АБРАМ. Тоже? И тоже на скатерть льешь?

НАСТЯ. Весь кипяток. Я поставлю чайник.

АБРАМ. Не беспокойтесь, товарищ началь-
ник.

(В передней звонок. Все думают, что это
вспрулся Вася с патефоном. В комнату входит
чем-то очень взволнованный Костя.)

КЛАВА. Костя! За нами? Мы Васю ждем.

Сейчас он вернется и мы пойдем.

КОСТЯ (необычным голосом). Где Вася?

РУБЕН. Пошел доставать патефон.

КОСТЯ (очень взволнованно). Я думал... ре-
бята... вы знаете... он...

Я думал, что тайну его сберегу,
Но я... не хочу... Но я... не могу...

КЛАВА. Костя, в чем дело?

БОРИС. Ну, что же, ну что же?

КОСТЯ. Он деньги нашел и норвеги купил,
Чужими деньгами за них доплатил.

КЛАВА. Неправда! Ты врешь! На него непо-
хоже!..

КОСТЯ. Разве я мог до конца скрывать?
Пусть он мне друг, я молчать не могу!

Если товарищ начнет воровать,
Он другом становится только врагу!

АБРАМ. Как это вышло?

СИМА. Он пионер!

БОРИС. Я требую самых строжайших мер!
Мы исключаем его из отряда.

РУБЕН. Спокойнее. Здесь горячиться не
надо.

АБРАМ. Он опозорил наше звено.

Теперь на нашем звене пятно.

БОРИС. Я думал, он, правда, честнее всех,
А он, оказывается... из тех...

КОСТЯ (продолжает). И брату, который при-
ехал с заставы,

Где честные люди в дозорах стоят,
Я понял, что я не имею права
Показывать Васю, который, Клава,
Считается лучшим среди ребят.

Мне стыдно за нас и за Васю Петрова,
С трудом досидел я последний урок,
И вот я пришел, и, честное слово,
Я не придти не мог!

АБРАМ. Уйдем отсюда!
ЗИНА (Клаве). Уходим, Клава.

КЛАВА. Зина, мне кажется это сон.

БОРИС. Вот вам и дутая васина слава.
Честный поступок...

(Убегает Вася.)

ВАСЯ. Вот патефон!

(Общее молчание. Вася видит Костю. Очень
удивлен.) Я задержался!

БОРИС (нарушая неловкое молчание). На-
прасно старался!

Не будет вечера. Отменен. (Идет к двери.)
Завтра увидимся.

(Уходит.)

ЗИНА (Васе). До свиданья! (Уходит, за
ней уходит Клава.)

АБРАМ. Поздно, а завтра рано вставать.

СИМА. Папа ушел без ключа на собрание—
Придется дверь ему открывать.

(Рубен, Абрам, Сима уходит. Вася ничего
не понимает, что без него произошло. Он ста-
вит на стол патефон и, о чем-то думая, маши-
нально заводит его. Музыка. В комнату вбе-
гает Сима.)

СИМА. Прости. Я такой рассеянной стала:
Стояла, стояла возле стола,
Из рамки карточку эту достала,
В карман положила и с нею ушла.

Она у тебя, должно быть, одна.
А мне фотография ненужна.

(Вставляет карточку в рамку, убегает.)

Занавес

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Обыкновенное дело

Рис. Ю. Ганфа

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

— Хотел бы я работать в Арктике. Там, говорят, полгода ночь продолжается. А тут не успеешь заснуть, как день настает.

Три любимых

Что делать мне, не знаю, Не приложу ума. Недавно получаю Три заказных письма.	И нету смеха звонче, Не девушка — огонь. А третья — строитель, И ум и красота.
Три девушки мне пишут Из разных городов. В письме я каждом вижу И нежность и любовь.	Пу что ни говорите, Не девушка — мечта. Я ими восхищаюсь. И так все хороши, Что я их всех признаюсь, Люблю от всей души.
И жду от вас совета — Нельзя мне больше ждать: Все трое ждут ответа, Кому ж мне отвечать.	И жду от вас совета — Нельзя мне больше ждать: Все трое ждут ответа, Кому же отвечать.
Одна из них — артистка, Стройна, как лань, она, Пловец, парашютистка, Не девушка — весна.	Все пишут, что скучают, И просят — отвечай. Все трое умоляют: «...Папа, приезжай».
Вторая — славный летчик, Такую угомонь...	

Г. РУБЛЕВ

ОТРАЖАЯ осеннее солнце, новый редакционный лимузин летел по шоссе. Когда город остался далеко позади, водитель прибавил газу. Откинувшись на подушки сиденья, корреспондент газеты Коля Сиренев вспоминал разговор с редактором. Редактор говорил:

— Коля! Сейчас вы поедете в Энскую часть и сделаете очерк об одном из тамошних героев.

— Ясно, — отозвался Коля.

Через час машина остановилась у ворот гарнизона. Предъявив дневальному документы, Сиренев прошел на плац. Здесь, видимо, только что окончились занятия. Подойдя к группе командиров и политработников, Сиренев представился старшему из командиров.

— Товарищ комбриг, разрешите обратиться, — и он протянул редакционное удостоверение.

— Ага! — сказал комбриг. — Вы от газеты? Хорошо. Что же вы хотите?

— Я хотел бы написать очерк об одном из ваших героев...

— Да, но ведь у нас народу много...

— Мне герои нужны, — пояснил Сиренев.

— Я же вам и говорю: у нас народу много. О ком персонально вы хотите писать?

— Посоветуйте, товарищ комбриг.

— Что же вам посоветовать?.. Во-он видите, стоит высокий мужчина, вот который рукой отмахивается. Это капитан Буровцев. Поговорите с ним.

Сиренев подошел к Буровцеву.

— Товарищ капитан, здравствуйте. Мне нужно написать про вас очерк, — задумчиво сказал Сиренев, доставая блокнот и с почтением поглядывая на два ордена Красного знамени на груди капитана.

Буровцев неожиданно заторопился:

— Товарищ корреспондент... Видите ли, сейчас, пожалуй, ничего не выйдет... У меня тут это самое — занятия... так сказать, начинаются. И, кроме того, почему именно я? Вам нужен герой?

— Да.

— Так пожалуйста. Видите, — капитан любезно указал в сторону — во-он идет с планшеткой в руках. Это старший лейтенант Долидзе — орденоседец и замечательный командир!

Сиренев покорно закрыл блокнот, поклонился капитану и на ходу подумал: «Измором вы меня, все равно, не возьмете, вы еще не знаете Сиренева».

— Товарищ старший лейтенант, — сказал он, подойдя к командиру, — пожалуйста, вот удостоверение. Я буду писать о вас очерк.

— Какой очерк? — Долидзе пожал плечами. — Вас, наверно, капитан Буровцев послал?

— Да, он.

— Эх, вы, такого замечательного командира упустили!.. Ну да ладно. Вам кто нужен — герой?

— Да.

— Отличившийся в недавних боях?

— Вот, вот.

— Ну, хорошо. Вы очень правильно сделали, что пришли ко мне.

Ликующий Сиренев проворно открыл блокнот и приготовился к интервью.

— Видите ли, — начал Долидзе. — Я вам честно скажу. Чего уж тут скромничать. Мы люди свои. В последнем бою не было более решительного, более отважного, более смелого человека чем товарищ Яковлев...

— Пойдите, какой товарищ Яковлев?

— Как какой Яковлев?! Батальонный комиссар Яковлев... Вы с ним поговорите. Это редкий человек. Во-он он стоит...

— Вижу. Большое вам спасибо, — сказал Сиренев и тяжело вздохнул.

Батальонный комиссар Яковлев оказался очень отзывчивым человеком. Узнав о планах Сиренева, он внезапно завел ручные часы и дружески посоветовал:

— Если вы действительно хотите написать интересный очерк, пойдите ка, дорогой товарищ, на кухню. Не удивляйтесь. Повар нашей части — герой. Он недавно награжден медалью «За боевые заслуги».

— Ну что ж, спасибо, — скорбно сказал Сиренев. — Я пойду к повару...

Когда многострадальный Сиренев зашел в кухню, повар в белоснежном халате с аппетитом пробовал борщ.

— Ну, дружище, — сказал Сиренев, с надеждой хлопая повара по плечу, — вы уж от меня не уйдете... Сейчас я о вас очерк писать буду, — и Сиренев вручил изумленному повару удостоверение.

— Ага, — сообразил повар, — вы от газеты. Ну что ж, это можно. Только выйдем отсюда, а то вы без халата... — повар оглянулся по сторонам и вышел вслед за Сиреневым. — Сидитесь, — сказал он, когда они прошли в столовую, — пишите...

Повар на мгновение задумался. Потом он застегнул халат на все пуговицы, и Сиренев немедленно усмотрел в этом профессиональную поварскую опрятность.

— Пишите, — повторил повар, — так и быть. Второго августа у левобережной сопки началась операция. В четырнадцать ноль-ноль прибыла приданная нам артиллерия... Передний край обороны противника...

— Подождите, подождите, — перебил повара Сиренев. — Вы уж лучше о себе рассказывайте.

— Ага, хорошо, пожалуйста, — смутился повар. — Ну, заправил, значит, я в этот день суп... этой, ну, как ее...

— Петрушкой?

— Да, да; ватрушкой, и повез обед бойцам... А мой помощник...

— О себе, о себе рассказывайте, — строго напомнил Сиренев и подумал: «Ох, и звонари же — эти повара!»

— Да, да, о себе, — торопливо продолжал повар. — Во время обеда противник попытался ударить с фланга. Тут в ход пошли артиллерия, пулеметы... Ну, а я как раз находился поблизости. Смотрю: Лаврова-пулеметчика ранило... Ну, ясное дело, я как герой, ни секунды не размышляя, отважно и смело бросился к пулемету. Обыкновенный «дегтярев», два диска... Ну, подпустил я самураев поближе и открыл по ним убийственный, сверхмгмкий огонь. Сколько я их там уложил, не помню... Очнулся в лазарете. Так, легкое ранение было. Потом прошло... А врага мы крепко разбили и отбросили... Вот и все.

Воодушевленный боевыми воспоминаниями, повар замолчал и вдруг несколько торжественно добавил:

— С каждым часом вырастают все новые и новые, так сказать, подобные мне герои и патриоты... Побольше бы нам таких.

— Спасибо, — сказал Сиренев, — убеждаюсь, что повар явно не грешит излишней скромностью. — Подпишите это.

Он протянул повару блокнот с очерком.

— Да нет... Чего ж мне подписывать? Это вам сам Лагуткин подпишет.

— Какой Лагуткин? — бледнея спросил Сиренев.

— Повар Лагуткин. Он и есть герой!

— А... А вы?

— А я майор Кузьмин. Командир части. Производил пробу лица и решил, так сказать, вам помочь в трудную минуту... Вы уж не сердитесь, пожалуйста, — майор улыбнулся. — Он бы вам сам, все равно, ничего не сказал. Очень уж он, понимаете ли, скромный человек... Товарищ Лагуткин! — крикнул майор.

— Я вас слушаю, товарищ майор, — доложил, появляясь в столовой, молодой, первого года службы, повар Лагуткин.

— Подпишите это, пожалуйста.

Лагуткин бегло просмотрел черновик очерка и виновато улыбнулся:

— Товарищ майор, разрешите тут изменить малость.

— А что именно? — сокрушенно спросил Сиренев.

— Вот у вас тут больно шибко вначале сказано: «Герой-повар».

— А что же? — испуганно спросил Сиренев.

Повар Лагуткин молча взял у него карандаш, зачеркнул прежний заголовок и размашисто написал поверх него другой: «Обыкновенное дело».

БОРИС ЛАСКИН.

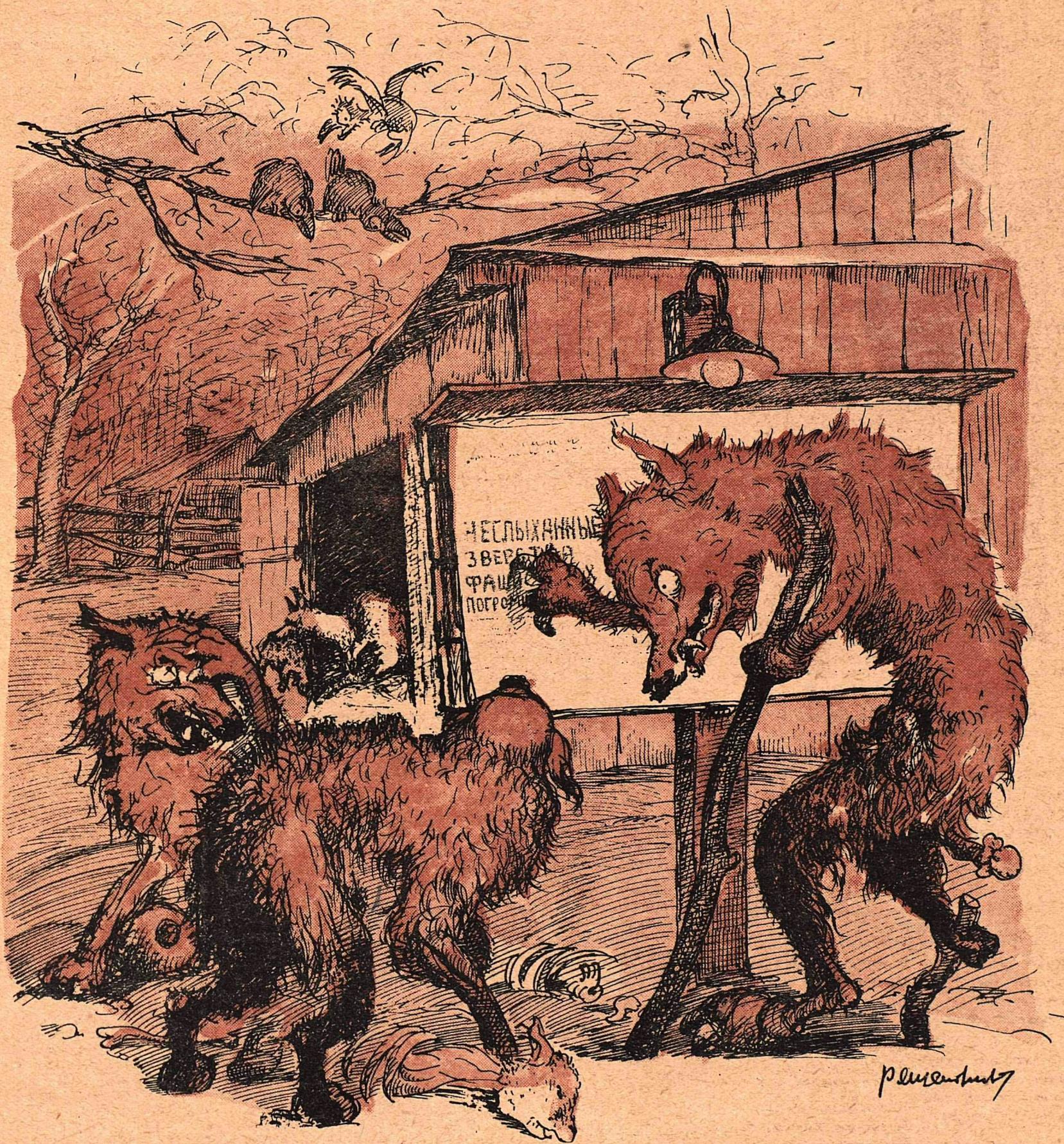

Рис. Ф. Решетникова

СРЕДИ ХИЩНИКОВ

— Вот учитесь, ребята, как надо работать!..

ОТ РЕДАКЦИИ

Сейчас наша стенная газета переходит из Наркомторга СССР (см. № 31) в Наркомлегпром СССР. Газета попрежнему называется «Сор из избы». Дело в том, что и в избе, построенной архитектором Корбюзье близ Мясницких ворот, не меньше сору чем в Наркомторге (см. наш ответ Уборщице в Почтовом ящике). И вот мы приходим на помощь общественным организациям Наркомата легкой промышленности СССР, выпуская номер сатирической газеты.

Редакция выражает твердую надежду, что недалеко то время, когда мы будем посвящать работникам указанного Наркомата теплые, лирические стихи и даже хвалебные оды, переложенные на музыку (см. наш ответ Начиющему поэту в Почтовом ящике).

Пользуемся случаем повторить, что ателье Крокодил продолжает принимать заказы на стенгазеты (из материалов заказчика) и от других наркоматов, главков и трестов.

ЖАЛОБА НАЧАЛЬНИКА БЮРО ЖАЛОБ

В конце октября в бюро жалоб Наркомлегпрома было большое оживление.

Винницей торжества была Сизякова, инструктор бюро жалоб.

Ее обступили все сослуживцы, жали ей руку, поздравляли, расспрашивали. Сизякова стояла красная, смущенная, но такая счастливая, как будто получила почетную грамоту или выиграла по займу крупную сумму.

— Неужели это все правда, товарищ Сизякова? Ты не врешь?

— Честное слово, товарищи! Клянусь всем святым для меня! Вот я стою, а он проходит мимо меня...

— Ну, ну... рассказывай!

— Проходит он мимо меня. Недурной наружности, в партикулярном платье, идет эдак по комнате, а в лице этакое рассуждение...

— Что ты говоришь! А ты не ошиблась? Может, это не он?

— Он! Он! Я спросила у швейцара.

— Вот повезло тебе!

— Вот счастье!

— А каков он собой?

— Очень серьезный и интересный. Мне так хотелось сказать: «Здравствуйте, товарищ Шестаков!» — но оробела.

В разговор вмешался начальник бюро жалоб тов. Осипов.

— Да, товарищи, — сказал он с грустью. — Сизяковой случайно повезло. Но не всем улыбается фортуна. Я вот сколько времени в наркомате и ни разу не был на приеме у товарища Шестакова, у наркома. Не интересуется он жалобами. В выходной день устроим беседу за чашкой чая и Сизякова нам подробно расскажет об этой незабываемой встрече. А пока давайте работать. Сегодня опять поступило много жалоб...

ОПТИМИСТ

— Понимаете ли, по Положению и так далее, и так далее... Словом, проверка исполнения. Говорят, вы занимаетесь этим?

— Что вы! Конечно, нет. Это не входит в наши функции. Обратитесь в секретариат наркома. Это — его дело.

III

— Здравствуйте, товарищ Борейков! Мы к вам как к заведующему секретариатом наркома.

— Очень рад. Садитесь. Чем могу служить?

— Понимаете ли, по Положению и так далее, и так далее... Говорят, вы занимаетесь этим?

— Что вы! Конечно, нет. Это не входит в наши функции. Обратитесь в группу контроля. Или, лучше всего, — в правовую группу. Это — ее дело...

ИКС

«...Подводы стояли на дворе богучаровского дома. Мужики оживленно выносили и укладывали на подводы господские вещи.

— Ишь книг-то, книг, — сказал мужик, выносивший библиотечные шкапы князя Андрея.

— Да, писали — не гуляли! — значительно подмигнув, сказал высокий круглолицый мужик, указывая на лексиконы, лежавшие сверху...»

Этот отрывок из «Войны и мира» невольно приходит на ум, когда знакомишься с почтой Наркомлегпрома.

Вот несколько цифр.

За июль через экспедицию Наркомата отправлено иногородней почты 29 896 пакетов. В каждом пакете по десяти и больше писем.

В августе — 32 132 пакета.

Ежедневно курьеры разносят по московским учреждениям от 400 до 800 пакетов.

Телеграмм за август было отправлено одним только Главзаготхлопромом 945 штук, а за первую половину сентября — 612.

Эта неистовая писанина продолжалась в октябре и не прекратилась в ноябре.

Да, писали — не гуляли!..

ТОТ САМЫЙ

(Водевиль в 3 частях)

I

— Здравствуйте, товарищ Рубанов! Мы к вам как к начальнику группы контроля Наркомата.

— Очень рад. Садитесь. Чем могу служить?

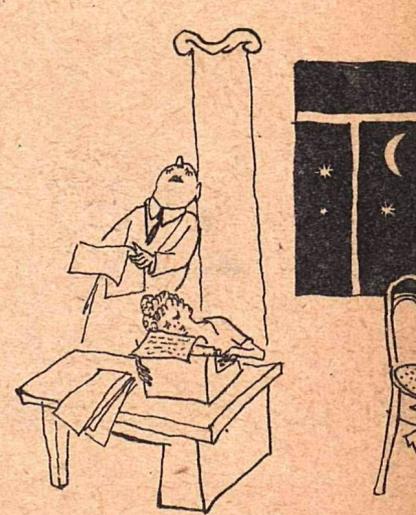
— Понимаете ли, по Положению, утвержденному правительством, Наркомлегпром СССР должен контролировать решения и приказы как главков, так равно и наркоматов легкой промышленности союзных республик. Скажите по совести: вы занимаетесь этим делом?

— Что вы! Конечно, нет. Это не входит в наши функции. Обратитесь в правовую группу. Это — ее дело...

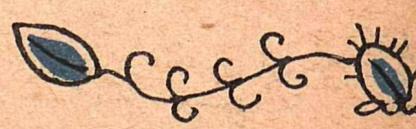
II

— Здравствуйте, товарищ Орлов! Мы к вам как к заместителю начальника правовой группы Наркомата.

— Очень рад. Садитесь. Чем могу служить?

Горят на

Ящик Цигеля

Цигель — большой начальник: заведующий сектором электрооборудования Главлгснаба Народного Комиссариата легкой промышленности СССР.

Но дело не в чине. А в письменном столе. Точнее — в одном из ящиков этого стола.

Чудесный, таинственный ящик! Не счесть алмазов этого ящика...

Свыше месяца приходили к Цигелю представители предприятий и требовали кабель.

Цигель спокойно отвечал:

— Нет фондов.

Недавно кто-то случайно открыл таинственный ящик Цигеля. Там сверху лежало, сияя печатями, фондовое извещение на электрокабель. Извещение лежит уже свыше месяца. Цигель положил его в ящик и забыл. Но по привычке отвечал: «Нет фондов».

Надо принять срочные меры, чтоб в дальнейшем не повторялись такие истории: одно из двух — или уберите ящик подальше от Цигеля или уберите Цигеля подальше от ящика.

ОКО

ОРАТОР И МАШИНА

(К сожалению, не басня)

Посвящается начальнику административно-хозяйственного отдела Наркомлегпрома Мигалинскому.

Уж сколько лет мы критикуем бюрократа,

А он все жив и полон сил...

Один сотрудник наркомата

У Мигалинского машину попросил:

— Мне для больной жены... Не откажите...

Моя жена едва

Жива...

Услышавши сотрудника слова,

Рёк Мигалинский, полон прыти:

— Ах, ты невежа! Ах, злодей!

Не стыдно ль стен тебе, не только

что людей!

Гляжу я на тебя — и жжет меня досада;

Беречь машину надо,

Лелеять без конца!

Машина — не для частного лица!

Иль ты забыл, что требует машина

Бензина?!

О, нет! Нужна машина нам

По государственным делам!

Грешно ее на пункт отправить

медицинский!

Так говорил оратор Мигалинский

И с каждым мигом делался лютей,

Но тут под'ехала машина —

И высадила чинно

Его супругу и детей,

Приехавших обедать с дачи,

А он всё продолжал свой монолог

горячий...

Коль сам орудуешь в порядке ты

«семейном»,

Читать нравоучения не смей нам!

Праправнук КРЫЛОВА

Краткая история о том, как Главное управление кожевенной промышленности рассмешило Наркомфин.

Кто же он, этот отчаянный юморист?

Спи спокойно, уважаемый Марк Твен! Не унывай в гробу, бессмертный Гоголь!

Пока живет и работает неутомимый Коломейский, дело развития смежа обеспечено в отчетном хозяйственном году на все 100 процентов.

Заместитель начальника Главного управления кожевенной промышленности Коломейский подписал недавно заявку на ляпис.

Заявка — на 1 тысячу килограммов ляписа!

Поступила эта заявка в сектор материальных балансов главка. Сектор утвердил. На то он и сектор, чтобы утверждать.

Дальше заявка пошла в Главлгснаб. И там утвердили. На то и Главлгснаб, чтоб утверждать.

А затем пошла заявка в Управление драгоценных металлов Наркомфина Союза. Там глянули в бумажку, подписанную Коломейским, утвержденную сектором материальных балансов и скрепленную Главлгснабом, — глянули и расхохотались.

Ведь кожевенному управлению требуется всего-навсего тысяча

граммов ляписа, а не тысяча килограммов.

Коломейский, как видите, сочиняет заявки, предвидя расходы ляписа на ближайшие несколько сот лет...

До сих пор в Наркомфине смеются. Спасибо Коломейскому!..

ЗУБ СО СВИСТОМ

ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ

Если вам очень хочется познакомиться с сугубо принципиальным человеком, поезжайте в Харьков.

Прямо с вокзала отправляйтесь в контору Главстройлегпрома. Там найдете управляющего конторой Граевского. Передайте ему от нас пламенный привет. Он и есть сугубо принципиальный человек.

Недавно Граевский вспомнил, что еще в 1936 году клинцовская фабрика взяла у него какие-то плитки.

— Уплатите 180 рублей, — требует Граевский от фабрики.

— Мы у вас не брали никаких плиток, — отвечает фабрика.

— Ах так! — кричит Граевский. — Вы не брали? А я докажу, что брали. У меня принцип прежде всего!

Он посылает из Харькова специального человека в Клинцы, Орловской области. Тот сидит на фабрике несколько дней, перерыл весь архив за 1936 год, и — ищи и обрящешь — нашлись документы, подтверждающие, что фабрика брала плитки. Ура!

Говорят, что командировка обошлась конторе почти в тысячу рублей.

Но Граевский торжествует: он все-таки доказал, что клинцовская фабрика должна заплатить 180 целковых.

Пламенный привет сугубо принципиальному человеку и такой же привет группе контроля наркомата, которая не ставит никаких препон этакому бешеному процветанию принципиальности как в центре, так и на периферии!

ОСТРЫЙ ГЛАЗ

Ода резолюции

Многие руководители главков избегают разрешения всяких вопросов по телефону либо устно. Они почти всегда стараются получить от руководства наркомата резолюцию. Делается это для перестраховки: «Мда, мол, тут не при чем: вот вам резолюция».

О ты, спасительница наша,

К кому мы тянемся, любя,

Нет ничего на свете краше

И безопаснее тебя!

Без резолюции нам тяжело, —

Не можем мы о том молчать,

Но рады мы, коль есть бумажка,

На коей — четкая печать!

На фоне пыльной паутины

Крепим чиновничьи ряды,

Мы без длиннейшей писанины —

И ни туды и ни сюды!

По канцелярскому закону

Всегда судить извольте нас.

Что нам приказ по телефону?

Нам нужен письменный приказ!

К нему мы рвемся в давке, в

спешке,

Им наши полнятся столы.

Без резолюции — мы пешки,

А с резолюцией — орлы!

ЖАЛО

Почтовый ящик

Тов. Муравьеву (начальнику 2-го московского главка хлопчатобумажной промышленности). Пивните. Упорней работайте над качеством материала.

А. Б. Ваша заметка «Не в свои сани не садись» (о руководителе группы основной химии Главлгснаба Шнеермане, который запутал все учетные данные) послана на расследование.

Уборщице. Ваша заметка «Из избы сор не выметают» (о грязи в помещении наркомата) не будет напечатана: факт общеизвестный, а вы ничего нового не сообщаете.

Игреку. Заметка «Ежедневно свежие враки» (о Кологриве, начальнике сектора разных материалов, который, имея на складах много спецодежды, клянется, что у него нет ни одной спецовки) послана наркомату для принятия мер.

Потерпевшему. Ваша статья «Страхование от огня» (о замести-

теле начальника главка хлопчатобумажной промышленности Арсеньеве, который все свои доклады на имя наркомата печатает в 3 экземплярах: 1 экземпляр наркомату, 1 экземпляр в архив, 1 экземпляр себе: при случае есть оправдательный документ: «Я сигнализировал!») будет напечатана в следующем номере.

Зету. Ваш юмористический рассказ «Много бумаги» (по Чехову) о том, что Главстройлегпром издал за последний квартал 300 приказов, не пойдет. Ведь та же самая картина наблюдается и в других главках. Почему же вы навалились на один Главстройлегпром?

Начинающему поэту. Ваша поэма «Хорошо в Наркомлегпроме» будет напечатана — не знаем только, когда. Надеемся, что в ближайшее время. За более подробными справками по этому вопросу обратитесь в секретариат наркомата.

В Наркомлегпроме считается хорошим работником тот, кто засиживается до поздней ночи.

работе.

Вклад в науку

Боюсь, что ты, читатель, еще не знаком с последними теоретическими изысканиями в области языковедения, а поэтому спешу ввести тебя в курс дела.

Так вот, значит, слушай о метафоре Блока:

«Метафора Блока... автономна, живет самостоятельной жизнью и используется... для романтико-фантастического преобразования мира...» «По принципу такого иррационального, алогического соединения понятий и строятся большинство метафор у Блока».

Ну, поскольку тебе насчет метафор теперь все ясно, можно пойти и дальше, к образу. Например:

«Романтическая смутность, эмоциональная расплывчатость побеждаются влечением к рационалистической ясности и обобщенности классицизма... И зыбкий, эмоциональный образ сменяется образом пластическим, пространственно-очерченным...»

А знаешь ли ты, как изменялась в творчестве Брюсова декадентски-символическая поэтика? Пожалуйста: она изменялась,

«осложняясь чертами классицистического рационализма и обобщенности, тяготением к чеканной ковкости стиха, пластической законченности образов...»

Не пугайся, читатель! Все эти цитаты я взял только из одного урока, преподаваемого в учебнике Современной литературы Л. М. Поляк и Е. Б. Тагер. На страницах 67—89. Учебник этот издан Учпедгизом под редакцией А. Н. Дубовикова. И предназначен этот учебник для учеников средней школы.

И если

«я согласен с общей трагической окрашенностью блоковской поэзии этого периода она приобретает демонические, болезненно-страстные черты», а «...тема любви дается... как самозабвенная, хмельная и трагическая страсть, как сладкая, неотразимая и влекущая гибель», —

то не находишь ли ты, дорогой читатель, что в согласии с общей трагической окрашенностью творчества Л. М. Поляк и Е. Б. Тагер оно приобретает демонические, болезненно-страстные черты? А псевдонаучный и заушный язык влечет их как самозабвенная, хмельная и трагическая страсть, как неотразимая и влекущая гибель?

А пока что я, как сказал поэт,

*«Сей факт с сияющим лицом
Вношу, как ценный вклад в науку».*

М. Фукс,

ученик 10-го класса
школы № 15. Житомир

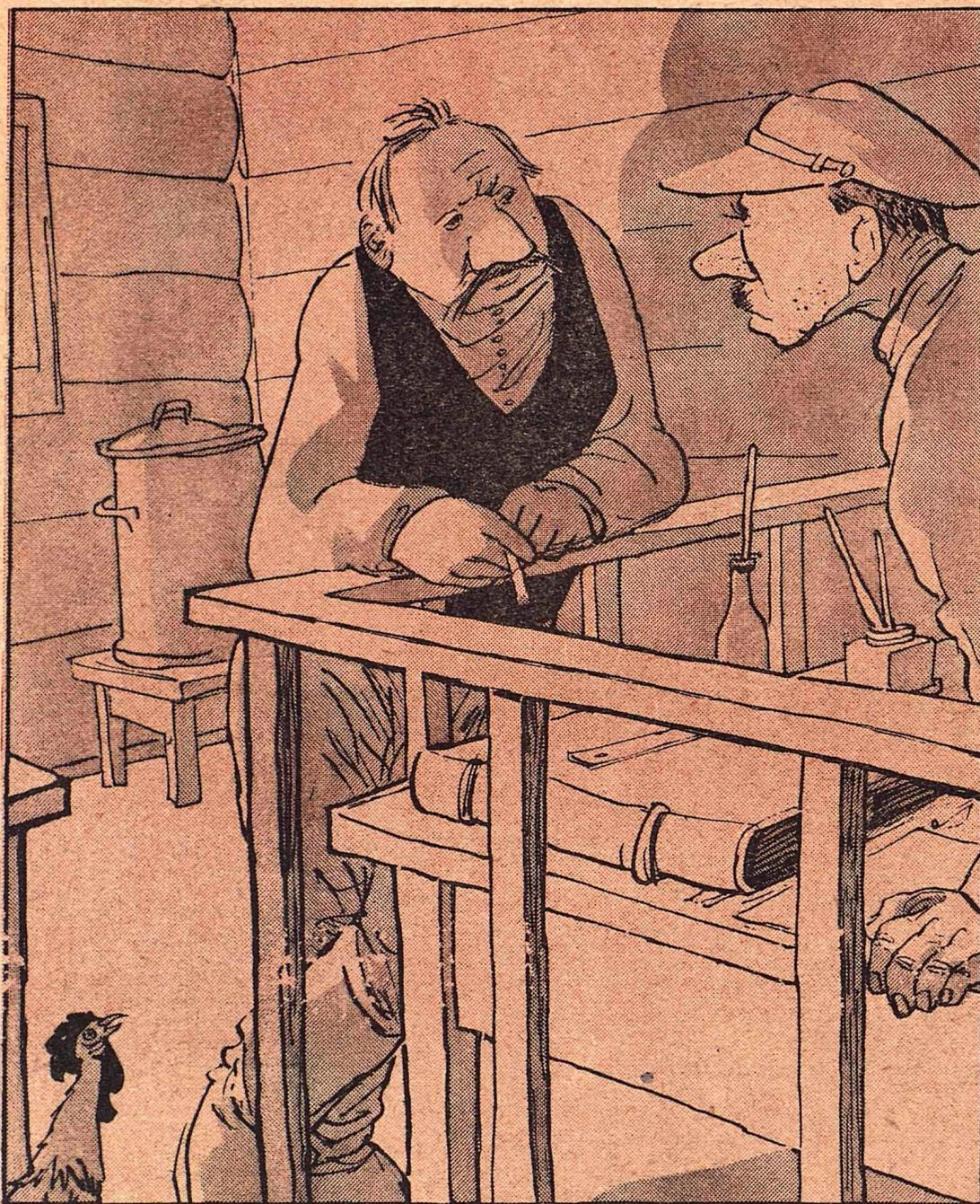

Рис. И. Семенова

В СЕЛЬСОВЕТЕ

— У кого ключ от амбара?

— Ключ — не знаю. А замок я здесь где-то на столе видел.

Ценные кандидаты

ОЧЕНЬ жалко, что мы не знаем дословно содержания интимного разговора, происходившего осенью текущего года в кабинете начальника Новосибирского института инженеров транспорта тов. Матвеева между самим Матвеевым и партгором Григоровым.

Но надо думать, что разговор был веселым, даже игривым. Возможно, что, разговаривая, собеседники лукаво перемигивались и, хлопая друг друга по плечу, заливались жизнерадостным, звонким, прямо-таки детским смехом.

В общем разговор был, повидимому, такой.

— Скажи мне, кудесник, любимец богов, — говорил Матвеев, давясь от хохота, — по како-

му предмету провалился твой ценный кандидат Винников на вступительном экзамене, я что-то запамятовал?

— По физике он, милашка, загремел!..

— Тоже мне — предмет! Он что, на три вопроса, кажется, не ответил?

— За кого ты, товарищ Матвеев, принимаешь моего ценного кандидата? — обижался партгор Григоров. — Ни на один вопрос он не ответил!..

— Ах, да! Вспомнил! А задачу он тоже ни одну не решил?

— Не решил. Помешали ему. Только это он,

значит, взялся за шаргалку — тут его и накрыли, милашку!..

— Чудный у вас кандидат, товарищ партгор!

— Не лучше вашей Кутафиной, товарищ начальник. Ведь она по вашей протекции три раза у разных преподавателей физику сдавала, пока вытянула «посредственно»!..

— Трудный был прием, — вздохнул Матвеев. — Очень трудный!.. Кстати, долго тебе пришлось уламывать физика, чтобы он исправил твоему ценному кандидату отметку с «плохо» на «посредственно»?

— Дня три я на него жал. Да еще мне Нартов и Жильцов помогли. Ох, и упорный

Рис. М. Черемных

ДЕЛИТСЯ ОПЫТОМ

ОТЕЦ: — Как трудно после работы часами сидеть в кружках.

СЫН: — Не понимаю, зачем вас мучают. У нас в школе поручают самим проработывать темы.

народ, эти физики! Исправить-то отметку он исправил, но в ведомости, собака, прямо так и написал: «По приказу тов. Григорова».

— Ничего, Григоров, не расстраивайся,— успокоил своего парторга начальник Института.— У Нартова кандидаты еще ценнее твоего Винникова. Вон нартовский Дмитриев С. М., например, пять предметов провалил, и то мы его приняли. Ну-ка, возьми счета, давай поведем с тобой, так сказать, баланс.

Парторг послушно взял счета и приготовился к подсчету.

— Всего из числа не выдержавших испытания,— сказал Матвеев,— мы с тобой приняли в Институт 117 человек. Клади 117...

Парторг Григоров отщелкал 117.

— Так. Молодец! Теперь отдельно положи 203.

— А это что за цифра, товарищ Матвеев?

— Не помнишь? Эх ты, голова!.. Это же твой, так сказать, личный вклад в великое дело подготовки кадров для транспорта. Двести три плохих и очень плохих отметок были исправлены на «посредственно» по твоим записочкам и телефонным звонкам. Вспомнил?

— Вспомнил,— сказал парторг и отщелкал 203.

— Теперь клади 26. Это столько человек мы приняли с двумя двойками. Положил? Клади 5. Это столько человек мы приняли с тремя двойками. Положил? Вали еще 50. Это с одной двойкой!..

— А в вашем приказе, товарищ начальник, они все значились «выдержавшими испытания».

— Так то приказ, товарищ парторг!..

— Ха-ха-ха!..

— Хо-хо-хо!..

— А в телеграмме, товарищ начальник, на

имя Наркомпути они все назывались «ценными кандидатами, оставшимися за бортом Института».

— Так то же телеграмма, товарищ парторг!..

— Ха-ха-ха!..

— Хо-хо-хо!..

— Теперь вы, товарищ начальник, положите на счетах отдельно восемьсот...

— Восемьсот человек или отметок?

— Восемьсот рублей, товарищ начальник.

— Какие это восемьсот рублей, товарищ парторг? Я что-то не помню...

— Которыми вы меня премировали за образцово проведенный прием в Институт.

— Ха-ха-ха!..

— Хо-хо-хо!..

Мих. Денисов

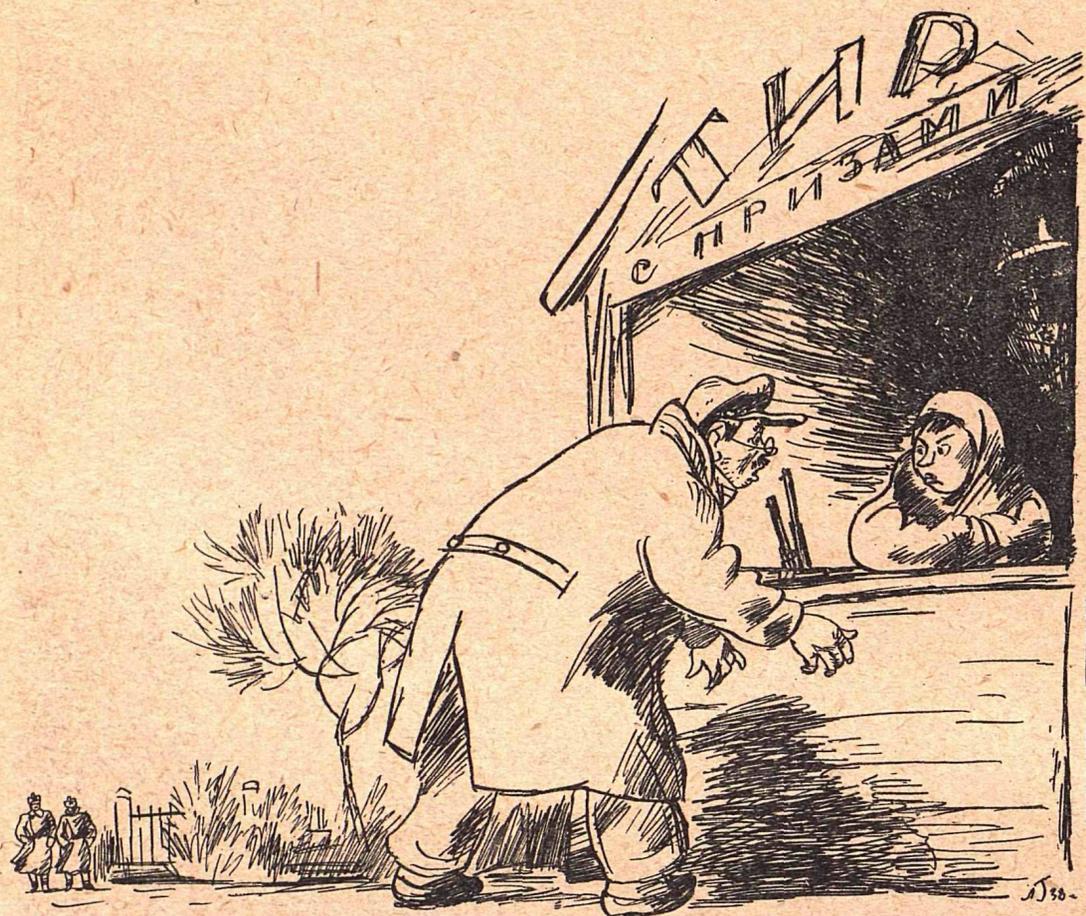

Рис. Л. Генча

СПЛОШНОЙ УБЫТОК

— Закрывай скорее тир! Снайперы идут!..

Загадочная натура, или клубок противоречий

В РАЗНОЕ время разные люди и по разным поводам высказывались об одном товарище. Нам пришло в голову подобрать все эти высказывания, потому что... потому очень уж странно получалось. Да вы посудите сами.

— Тут мне пришлось иметь дело с директором конторы Стройгромаотвод... Некто Коряпин. Вот подлец! Тянул, тянул, врал, врал, обманывал, обманывал... И в конце концов так и оставил ни с чем. Просто даже удивительно: как так можно брехать...

— Несмотря на то, что мой муж — ответственный работник — его фамилия Коряпин, может, слышали? — директор конторы Стройгромаотвод. Да. Так мой муж никогда не врет. Я его спрашиваю: «Сяпа, где ты был вчера вечером?» И всегда он прямо скажет: в ресторане, так в ресторане, на заседании, так на заседании... Мой муж не как все.

— Хватились!.. Я уже третий год как работаю в конторе Стройгромаотвод. Кем? Личным секретарем директора. Работа такая трудная... Тем более товарищ Коряпин — наш директор — очень, очень нервный товарищ... Если, например, он просит, чтобы подали машину, и, не дай бог, шофер там обедает или ушел сверхурочные получать, — такой крик начинается, топание ногами...

— Конечно, трудновато работать, но очень помогает, что у нас директор — уравновешенный человек. Недавно я ему докладываю, что мы в срок не сдали контрагенту двадцать восемь громоотводов и с нас причитается неустойки двести сорок пять тысяч рублей. Представляете, что бы другой директор тут устроил?.. А наш только пожал плечами и положил резолюцию — «Списать»...

— Нет, вы знаете, у стенографистки самое важное — скорость. Если я не успеваю за оратором, то какая же я стенографистка? Ну, конечно, хорошо, если бы все говорили так медленно, как Коряпин. Он каждое слово, перед тем как сказать, раза три в голове провернет... И говорит всегда одно и то же. Ну, как все ораторы: «На сегодняшний день... Надо приналечь...» Потом: «Мы учтем»...

— Знаете, есть у меня один приятель — некто Коряпин. Он хотя и ответственный работник, но иной раз так остро разговаривает, особенно если все свои сидят и никого посторонних. Такую наводит критику, что ого-го-го!..

— В системе главка, которым я руковожу, есть контора Стройгромаотвод. Возглавляет этот громоотвод Коряпин. Очень милый человек. Простой, общительный, веселый, услужливый...

— Ну, брат, к нашему директору так просто не зайдешь. Он тебя так причешет, что будьте уверены! Он это любит: «Товарищ Коряпин, разрешите войти? Товарищ Коряпин, разрешите подойти? Товарищ Коряпин, разрешите спросить?»..

— Я к Коряпиным в гости не хожу, потому что у них всегда безумная скука: или Анна Павловна сидит и дожидается своего ответственного муженька, или если он дома, — тогда еще хуже, потому что с женой он не разговаривает, морда у него всегда сонная, чешется, зевает...

— Батюшки! Глядите! Глядите, кто идет: Сашка Коряпин пресял.. Официант, еще один прибор и большой графинчик! Ну, теперь мы повеселимся. Шутка ли: Сашка Коряпин пришел... Знакомься, Саша...

— А мы, как мы восьмой год при платье состоим, то, конечно, и товарищу Коряпину другой раз подашь пальто или там калошки выдвинешь... Но чтобы это он на чай дал или там обошелся, как в прежнее время, — этого не бывает. Сейчас это руку подаст: «До свидания, — скажет, — товарищ Агапкин». Да им иначе и нельзя: сказано, чаевые унижают, так сказать, достоинство.

— Конечно, есть у нас настоящие гости, как в мирное время бывали в первоклассных ресторанах. Вот ходит к нам один директор — товарищ Коряпин, Александр Петрович. Сейчас это придет, сейчас это пятерку мне сунет и сейчас начнет расспрашивать, какая еда на сегодняшний день посвежее будет. А мы уж, конечно, знаем ихний вкус: салат, какой позабористей, поджарка нижегородская, бифштекс по-деревенски. Одно только нехорошо: очень уж буйный во хмелю товарищ Коряпин. Как напьется, сейчас начинает фордыбачить: скатерть на пол сорвать, тарелки на пол покидать, кого-нибудь за соседним столиком обидеть — это уж обязательно.

— Это неправда, что если ответственный работник, то он обязательно должен с сотрудниками обращаться чересчур строго. Вот в нашем же главке работает директором конторы Стройгромаотвод Коряпин Александр Петрович. Как ни придет в канцелярию к нам в главк, со всеми за руку поздоровается, спросит о здоровье, о делах... Очень отзывчивый товарищ!

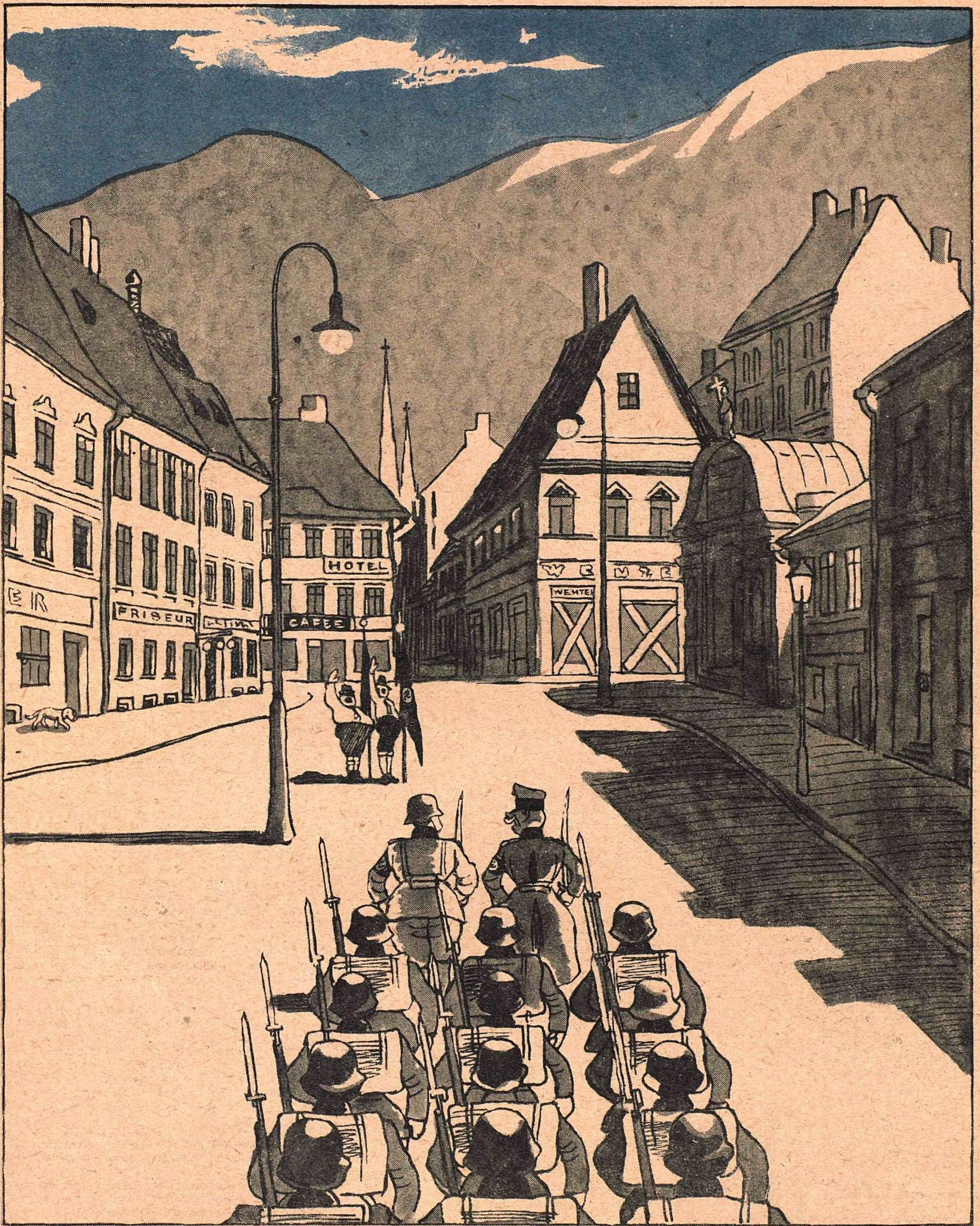
— Нет, нет... Не знаю, как у людей, а у нас хозяева даже скупые. Да, у Коряпиных я работаю, в седьмом номере... Сама-то еще ничего, а сам, если дома обедает в выходной день там или когда пораньше со службы придет, то только и слышишь одни попреки: дескать, куда это деньги уходят, дескать, да ничего мы за свои деньги не видим, дескать, мы домработнице жалование платим за то, чтобы она нам экономно наводила, а через нее одно только транжирство... Другой раз так дойдут, что от места хочешь отказаться...

— Я скажу, что с Александром Петровичем работать можно. Нету в нем этого скопидомства, которое было у прежнего директора. Александр Петрович и себе кабинет отделал — в двадцать тысяч обошлось. И заместителю купил приличный гарнитур. Выхлопотал «ЗИС», две «эмки»... У человека есть размах, щедрость есть. Это — главное...

— Жаль все-таки, Колька, что мы с тобой поздно родились: не застали гражданской войны. Вот наш директор товарищ Коряпин недавно рассказывал о том, как он ходил в атаку под Херсоном. Понимаешь, белые зашли с фланга, главные силы в пяти километрах, а тут только горсточка красноармейцев. И тут товарищ Коряпин бросается на них... Он даже фамилии называл товарищей, которых были с ним. Только, говорит, очень жаль, что все умерли...

Не правда ли — загадочная личность? Этот клубок противоречий...

В. АРДОВ

В ОККУПИРОВАННЫХ ОБЛАСТЯХ

Рис. Л. Бродаты

— Почему нас встречают только два человека?
— Это все, что осталось после выселения из города чешского меньшинства.

Так они говорят

(ИЗРЕЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ
СОВРЕМЕННОКОВ)

Бертран Рассел (английский писатель и философ). В Америке законы и обычаи в равной мере базируются на мечтах старых дев.

Мария Корда (киноактриса). В Лондоне я не видела молодых людей, за исключением Бернарда Шоу.

Ф. Г. Брид (английский священник). Я знаю хорошее средство быстро засыпать. Достаточно мне прочитать в постели проповедь, которую я собираюсь произнести в церкви в следующее воскресенье, и я засыпаю моментально.

Американский студент (на вопрос в анкете, какое наиболее ценное достижение химии). Блондинки.

Вильям Бора (сенатор). Единственный наглядный пример вечного движения, который мне приходилось наблюдать,— постоянное стремление тех, кто занимает официальные посты, увеличить свое собственное жалование.

Томас Липтон (спортсмен). Если вы не умеете смеяться, вы не имеете права на зажиточную жизнь.

Эми Мак-Ферсон (баптистка). Я видела три поколения идиотов в моем собственном храме, и нет ничего такого, что гарантировало бы нас от четвертого.

Ф. Ла Гардия (мэр Нью-Йорка). Я сошел бы с ума, если бы не умел смеяться. Вы тоже посмеялись бы, если бы увидели некоторых из моих альдерманов¹.

Сенатор Бюлоу (отвечает своим критикам). Известное количество блох полезно для собаки.

Вильям Холингсворт (американский табачный торговец о последствиях кризиса). Наша страна не нуждается больше в хорошей пятицентовой сигарете; пятицентовая сигарета нуждается в хорошей стране.

Ринг Ларднер, младший (сын известного американского сатирика, студент Пристонского университета). Некоторые утверждают, что все, чему молодой человек может научиться в современном университете,— это курить, пить, ругаться и играть в карты. Разрешите мне, близко стоящему к жизни нашей американской молодежи уверить таких лиц, что подобное обвинение ни на чем не основано. Наша молодежь выходит со знанием всего этого еще из подготовительной школы.

Перевел
П. ОХРИМЕНКО.

(«Fiction Parade», Нью-Йорк).

¹ Члены городского самоуправления.

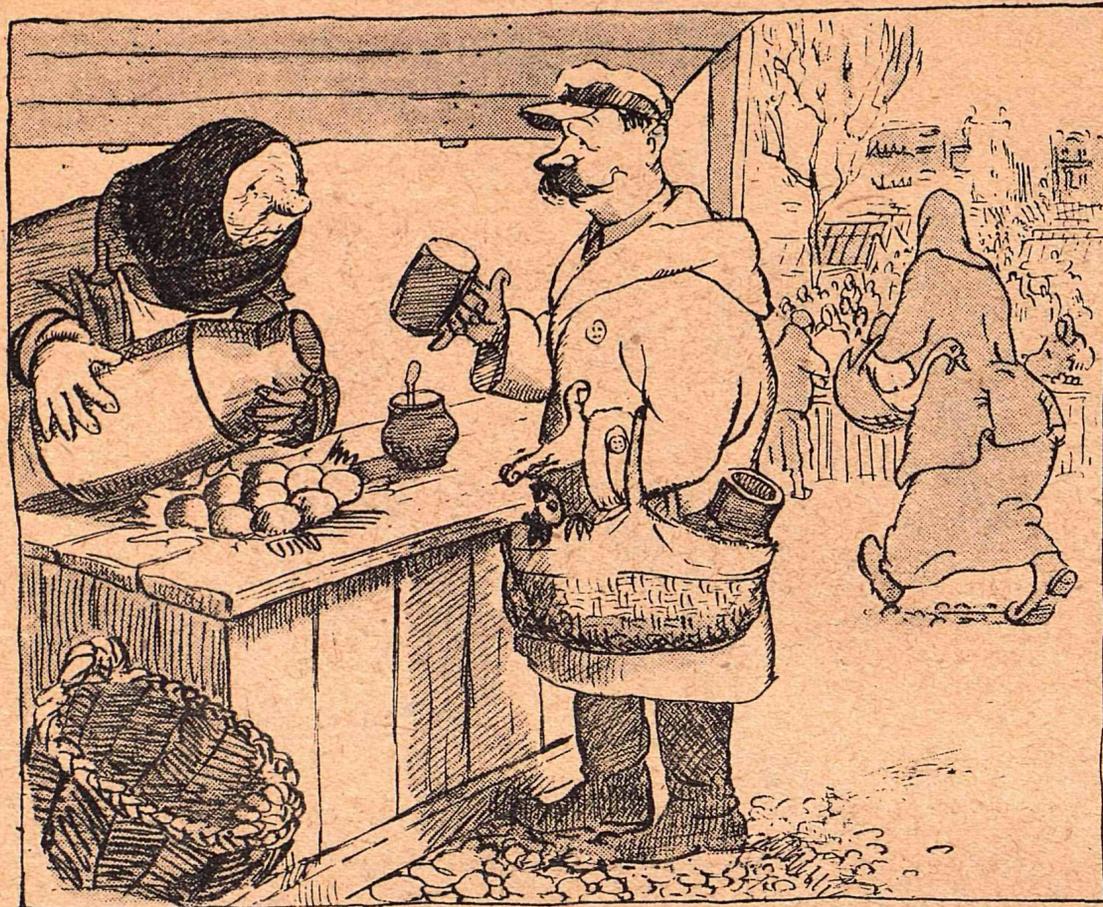

Рис. Ф. Решетникова

Излишняя операция

— Ну, кто тебя просил в хорошую, чистую воду подливать молоко?

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ДАЖЕ «ГУДОК»...

«За цветные металлы», орган Кыштымского райкома и райисполкома, Челябинской области, помещает такое объявление:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В связи с недостатком электроэнергии, прекращаем всем гражданам пользование электроприборами, как то: электропечки, электроутюги, электрочайники, а также горение ламп выше установленной нормы.

В случае обнаружения лица будут подвергаться отцепке от электросети.

Начальник горэлектросети — ПАПЕРИН.

В сущности, это объявление — сплошная опечатка. Однако в газете оно набрано жирным шрифтом, и, вероятно, корректоры тщательно следили корявый текст подлинника с набором.

А вот газета «Шарлыкская коммуна», орган райкома и райисполкома Шарлыкского района, Оренбургской области, помещает в отделе «Утеряны и похищены документы» следующую незабываемую строку:

«...Бурый жирибец, 4-х лет левое ухо порвато».

Заканчивается этот текст приглашением:

«Считатель не действительными».

И, наконец, в эту же компанию попадает центральный орган железнодорожников «Гудок». И попадает сугубо.

16 октября «Гудок» в заметке «После поправки» высмеивает газету «Железнодорожник Белоруссии» за то, что в «Железнодорожнике Белоруссии» путают фамилии. А 15 ноября в заметке «Партком организовал обмен опытом» «Гудок» называет тов. Козаря Козаревым, тов. Курашева — Крашевым и тов. Дробышевского — Дробышевским.

Конечно, такого рода опечатки — это не то, что «сухо порвато» или «лица будут подвергаться отцепке от электросети». Но ведь и «Гудок» — не районная газета...

ПИСАНИНА

Заведующему общим отделом Адыгейского облисполкома товарищу Беретарю скучно. Газеты прочитаны, посетителей нет, делать, собственно говоря, нечего.

А делать что-то надо, потому что сидеть так просто, глядя на галок в окно, еще нуднее.

Сладко зевая, товарищ Беретарь берет ручку, придвигает к себе чернильницу и пишет директивное письмо районным исполкомам и горсоветам.

Через два часа тяжелой умственной работы директивное письмо готово.

Устами товарища Беретаря облисполком предлагает районам выслать

«политинформацию о состоянии орг. массовой работы по району в следующем разрезе:

а) выполнение хлебопоставки по району, о селе, о работе секций, о ходе отчетов депутатов.

По сельскому хозяйству:

б) Обеспечение колхозников инвалидов через кассы взаимопомощи и через райкасы взаимопомощи и его работа и вообще пенсионные дела другие.

По животноводству

Подготовка к зиме животных МТФ СТФ по финансам.

Проверить организацию учета по неграмотности и малограмотности по району».

Как осветить, подготовили ли свои финансы к зиме колхозно-совхозные быки и коровы? Что значит туманное требование «дать политинформацию» о «селе», какие пенсионные дела «вообще» интересуют любознательного товарища Беретаря?

Вряд ли он получит ответ на свое директивное письмо от районов.

Районам некогда заниматься глупой писаниной. Им работать нужно.

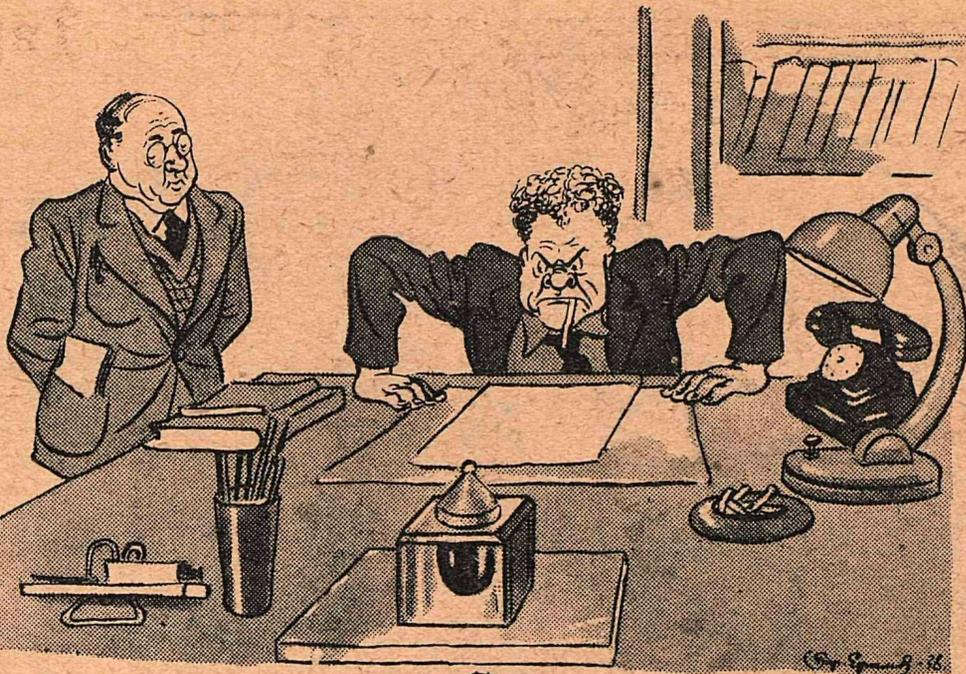

Рис. Бор. Ефимова

ПУНКТУАЛЬНЫЙ НАЧАЛЬНИК

- Вызовите Иванова, я с ним поговорю по поводу того, что он опоздал вчера на работу.
- Да он и сегодня опоздал.
- Об этом я с ним поговорю завтра.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Говорят, что первая любовь не забывается. Это правильно. Вот я, например, никак не могу забыть «Первую любовь» после того, как посмотрел эту картину у нас в колхозе Кеченарат, Новобиксентеевского сельсовета, Татарской республики.

Позволь точно, без прикрас, рассказать, как все это было.

Кинопередвижка из Мензелинска прибыла к нам 25 октября 1938 года. Вечером в деревенском клубе собрались и стар и млад. Механик Феррахов пустил ленту. На экране появились какие-то бледные тени. Тени что-то делали. Что они делали, не могли разобрать ни стар, ни млад.

— Граждане! Аппарат сломался, — объявил Феррахов, — сеанс переносится на завтра.

Утром он сел верхом на лошадку и уехал в Мензелинск — чинить большую деталь киноаппарата, пообещав к вечеру обязательно вернуться и показать нам «Первую любовь».

Опять собрались в клубе и стар и млад. Сидим, ждем. Уж полночь близится, млад спит, стар зевает, а механика все нет. В ожидании «Первой любви» развлекаемся, как умеем: кто млад, — поет и пляшет, кто стар, — просто спит. В общем механик Феррахов в этот вечер так и не приехал.

«Первую любовь» мы посмотрели только на третий вечер. Но что

это был за сеанс! Лента рвалась ежеминутно. После каждой части механик Феррахов уходил курить и курил очень долго. Иногда он уходил курить и в середине части, а ручку аппарата за него крутил близстоящий колхозник. На экране тогда поднималась страшная паника. Механики-добровольцы крутили ручку так, что герои «Первой любви» по быстроте движений очень были похожи на пожарников, собирающихся на пожар.

Перед последней частью аппарат опять сломался, но механик Феррахов не растерялся и сказал:

— Ничего, граждане, последнюю часть я вам сам расскажу.

Он поставил ногу на стул, свернув «козью ножку», затянулся и стал рассказывать «Первую любовь» своими словами. При этом он запинался, мычал, кашлял и объяснялся скорее междометиями чем словами:

«И вот, значит, она тут тово... да-а... приходит она до него, а он... это... уже, значит, ушодши обратно к ней... Да-а, а она, тогда ну бежать до них... да-а...»

Утром на дверях сельсовета мы обнаружили объявление:

«Кто желает увидеть конец «Первой любви», приходите в ближайшую деревню в ближайшее время».

Никто, однако, конец «Первой любви» увидеть не пожелал. Спасибо, сыты по горло!

Гидротехник ВИК. ГУБКИН
Казань

Товарищ Крокодил!

Предлагаю твоему вниманию ребус в виде вывески над аптекой на станции Лосиноостровская (Московской области):

АПТЕКА
М. О. О. Г. А. П. У. Н. К. З.

Повидимому, размеры вывески не позволили уместить на ней небольшой остаток букв алфавита. А жаль. Она могла бы по совместительству служить прекрасным пособием для начинающих обучаться грамоте.

В. ЖИРЕХИН

Москва

Дорогой Крокодил!

Строительство «Мельстроа» (Одесса) выписло через свою московскую контору снабжения вентиляционный ремень для автомашины «ГАЗ-АА». Небольшой такой ремешок. В карман можно положить. И стоит он всего 3 рубля 85 копеек. И вот из Москвы в Одессу пришел счет на этот ремень. Там значится: самый ремень — 3 рубля 85 копеек, наценка — 20 копеек, автотранспортные расходы — 47 рублей 75 копеек, погрузка — 9 рублей 55 копеек, железнодорожный тариф — 60 рублей 80 копеек. Итого — 122 рубля 85 копеек (сто двадцать два рубля 85 копеек).

Куда же годится старая поговорка «За морем телушка — полушка,

да провоз пятачок» после финансовых упражнений бухгалтеров московской конторы снабжения «Мельстроа» С. Васильева и Калмыкова, подписавших этот счет? Устарела поговорка!

Жизнь обогнала эту поговорку. Почти в три с половиной раза.

Г. КОРОЛЬКОВ,
начальник техбюро
Торгбанка СССР.

Москва

Уважаемый Крокодил!

Посылаю тебе бумажную обертку с конфет, предназначенных московской кондитерской фабрикой «Красный Октябрь» Главкондитера для детей. На красном фоне золотой четырехугольник, на нем изображение какого-то фантастического животного, отдаленно напоминающего козла. Но это не козел, это серна:

«Но серна легкая все силы натянула

Подобно из лука стреле,
Над пропастью она махнула
И стала супротив на каменной скале».

Так сказано в стихах, напечатанных тут же...

Все ли силы натянули руководители фабрики, подыскивая текст этих стихов для детей, не знаю. Думаю, силы были не дотянуты.

Г. ПИГАРЕВА

ст. Кучино,
Московской области.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

